

Глава пятая

Однажды ненастной ноябрьской ночью я узрел завершение своих трудов. С мучительным волнением я собрал все необходимое, чтобы зажечь жизнь в бесчувственном создании, лежавшем у моих ног. Был час пополуночи, дождь уныло стучал в оконное стекло, свеча почти догорела, и вот в ее неверном свете я увидел, как открылись тусклые желтые глаза, как существо начало дышать и судорожно подергиваться.

Как описать, что я ощутил при виде этого ужасного зрелища, как изобразить несчастного, созданного мною с таким невероятным трудом? А между тем члены его были соразмерны, и я подобрал для него красивые черты. Красивые — великий Боже! Желтая кожа слишком туго обтягивала мускулы и жилы; волосы были черные, блестящие и длинные, а зубы белые, как жемчуг; но тем страшнее был их контраст с водянистыми глазами, почти неотличимыми по цвету от самих глазниц, с сухой кожей и узкой прорезью черного рта.

Нет в жизни ничего переменчивее наших чувств. Почти два года я трудился с единственной целью — вдохнуть жизнь в бездыханное тело. Ради этого я лишил себя покоя и здоровья. Я желал этого с иступленной страстью, а теперь, когда я окончил свой труд, вся прелесть мечты исчезла и сердце мое наполнилось несказанным ужасом и отвращением. Не в силах смотреть долее на свое творение, я кинулся вон из комнаты и долго метался без сна по своей спальне. Наконец мое возбуждение сменилось усталостью, и я, одетый, бросился на постель, надеясь ненадолго забыться. Напрасно! Мне, правда, удалось заснуть, но я увидел во сне кошмар. Прекрасная и цветущая Элизабет шла по улице Ингольштадта. Я в восхищении обнял ее, однако едва успел запечатлеть поцелуй на ее губах, как они помертвели, черты ее изменились, и вот уже я держу в объятиях труп своей матери, тело ее окутано саваном, а в его складках копошатся могильные черви. В ужасе я проснулся, на лбу у меня выступил холодный пот, зубы стучали, все тело сводила судорога; и тут в мутном желтом свете луны, пробивавшемся сквозь ставни, я увидел гнусного уroda, сотворенного мной. Он приподнял полог кровати, глаза его, если можно назвать их глазами, были устремлены на меня. Челюсти его двигались, и он издавал непонятные звуки, растягивая рот в улыбку.

Он, кажется, говорил, но я его не слышал; он протянул руку, словно удерживая меня, но я вырвался

и побежал вниз по лестнице. Я укрылся во дворе нашего дома и там провел остаток ночи, расхаживая взад и вперед в сильнейшем волнении, настаивая слух и пугаясь каждого звука, словно возвещавшего приближение отвратительного существа, в которое я вдохнул жизнь.

На него невозможно было смотреть без содрогания. Никакая мумия, возвращенная к жизни, не могла быть ужаснее этого чудовища. Я видел свое творение неоконченным — оно и тогда было уродливо; но когда его суставы и мускулы пришли в движение, получилось нечто более страшное, чем все вымыслы Данте.

Я провел ужасную ночь. Временами пульс мой бился так быстро и сильно, что я ощущал его в каждой артерии, а порой я готов был упасть от слабости. К ужасу примешивалась горечь разочарования; то, о чем я так долго мечтал, теперь превратилось в мучение — и как внезапна и неоправима была эта перемена!

Наконец забрезжил день, угрюмый и ненастный, и моим воспаленным от бессонницы глазам предстала ингольштадтская церковь с белым шпильем и часами, которые показывали шесть. Привратник открыл ворота двора, служившего мне в ту ночь прибежищем, я вышел на улицу и быстро зашагал, словно желая избежать встречи, которой со страхом ожидал при каждом повороте. Я не решался вернуться к себе на квартиру, что-то гнало меня

вперед, хотя я насквозь промок от дождя, лившего с мрачного черного неба.

Так я шел некоторое время, стремясь усиленным физическим движением облегчить душевную муку, не отдавая себе ясного отчета, где я и что делаю. Сердце мое трепетало от мучительного страха, и я шагал неуверенной походкой, не смея оглянуться назад.

Так одинокий пешеход,
Чье сердце страх гнетет,
Назад не смотрит, и спешит,
И смотрит лишь вперед,
И знает, знает, что за ним
Ужасный враг идет*.

Незаметно я дошел до постоянного двора, куда обычно приезжали дилижансы и кареты. Здесь я остановился, сам не зная зачем, и несколько минут смотрел на почтовую карету, показавшуюся в другом конце улицы. Когда она приблизилась, я увидел, что это швейцарский дилижанс; он остановился прямо подле меня, дверцы открылись, и появился Анри Клерваль, который, завидя меня, тотчас выскочил из экипажа. «Милый Франкенштейн, — воскликнул он, — как я рад тебя видеть! Как удачно, что ты оказался здесь к моему приезду».

* «Старый Мореход» С. Колриджа (пер. В. Левика).

Ни с чем не сравнить моего восторга при виде Клерваля; его появление напомнило мне об отце, Элизабет и счастливых днях у домашнего очага. Я схватил его руку и тотчас забыл свой ужас и свою беду — впервые за много месяцев я ощутил светлую и безмятежную радость. Я сердечно приветствовал своего друга, и мы вместе направились к моему колледжу. Клерваль рассказывал о наших общих друзьях и был особенно доволен, что ему разрешили приехать в Ингольштадт.

«Можешь себе представить, — говорил он, — как трудно было убедить отца, что не все нужные человеку знания заключены в благородном искусстве бухгалтерии; думаю, он так и не поверил мне до конца, ибо на мои неустанные просьбы каждый раз отвечал то же, что голландский учитель в “Векфилдском священнике”: “Мне платят десять тысяч флоринов в год — без греческого языка; я ем-пью без всякого греческого языка”. Однако его любовь ко мне все же преодолела нелюбовь к наукам, и он дал согласие на мое путешествие в страну знания».

«Я безмерно счастлив тебя видеть, но скажи мне, как поживают мои отец, братья и Элизабет?»

«Они здоровы, и все у них благополучно; их только беспокоит, что ты так редко им пишешь. Кстати, я сам хотел пробрать тебя за это. Но, дорогой мой Франкенштейн, — прибавил он, внезапно останавливаясь и вглядываясь в мое лицо, — я только сейчас заметил, что у тебя совершенно

больной вид; ты худ, бледен и выглядишь так, точно не спал несколько ночей».

«Ты угадал. Я очень усердно занимался одним делом и мало отдыхал, но надеюсь, что теперь с этим покончено и я свободен».

Меня снова охватила дрожь; я не мог даже думать, не то что рассказывать, о событиях минувшей ночи. Я прибавил шагу, и мы скоро добрались до моего колледжа. Тут мне пришло в голову — и мысль эта заставила меня содрогнуться, — что существо, оставшееся у меня на квартире, могло еще быть там. Я боялся увидеть чудовище, но еще больше боялся, что его может увидеть Анри. Попросив его подождать несколько минут внизу, я быстро взбежал по лестнице. Моя рука потянулась уже к ручке двери, и только тут я опомнился. Я медлил войти, холод пронизывал меня с головы до ног. Потом я резко распахнул дверь, как делают дети, ожидая увидеть привидение; за дверью никого не было. Я со страхом вошел в комнату, но она была пуста; не оказалось ужасного гостя и в спальне. Я едва решался верить такому счастью, но, убедившись, что враг действительно исчез, радостно всплеснул руками и побежал вниз за Клервалем.

Мы поднялись ко мне, и скоро слуга принес нам завтрак. Я не мог сдерживать свою радость. Да это и не было просто радостью — все мое тело трепетало от возбуждения, пульс бился как бешеный. Я ни минуты не мог оставаться на месте:

перепрыгивал через стулья, хлопал в ладоши и громко хохотал. Клерваль сперва приписывал мое оживление радости нашего свидания, но, взглядевшись внимательнее, заметил в моих глазах дикие искры безумия, а мой неудержимый, истерический хохот удивил и испугал его.

«Милый Виктор, — воскликнул он, — скажи, ради бога, что случилось? Не смейся так. Ведь ты болен. Какова причина всего этого?»

«Не спрашивай! — вскричал я, закрывая глаза руками, ибо мне почудилось, что страшное существо проскользнуло в комнату. — Он может рассказать... О, спаси меня, спаси!» Мне показалось, что чудовище схватило меня, я стал неистово отбиваться и в судорогах упал на пол.

Бедный Клерваль! Что он должен был почувствовать! Встреча, которой мой друг ждал с таким нетерпением, обернулась горечью. Но я ничего этого не сознавал — я был без памяти, и прошло немало времени, прежде чем я пришел в себя. То было начало нервной горячки, на несколько месяцев приковавшей меня к постели. Все это время Клерваль был единственной моей сиделкой. Я узнал впоследствии, что он, щадя старость моего отца, которому долгая дорога была бы не под силу, и зная, как моя болезнь огорчит Элизабет, скрыл от них серьезность положения. Он знал, что никто не сумеет ухаживать за мной внимательнее, чем он, и, твердо надеясь на мое выздоровление,

не сомневался, что поступает по отношению к ним наилучшим образом.

В действительности же я был очень болен, и ничто, кроме неустанной самоотверженной заботы моего друга, не могло вернуть меня к жизни. Мне все время мерещилось сотворенное мною чудовище, и я без умолку им бредил. Мои слова, несомненно, удивляли Анри; сперва он счел их бессмыслицей, но упорство, с каким я возвращался все к той же теме, убедило его, что причиной моей болезни явилось некое страшное и необычайное событие.

Я поправлялся очень медленно — не раз повторные вспышки недуга пугали и огорчали моего друга. Помню, когда я впервые смог с удовольствием оглядеться вокруг, я заметил, что на деревьях, заглядывавших в мое окно, вместо осенних листьев появились молодые побеги. Весна в тот год стояла волшебная, и это немало помогло выздоровлению. Я чувствовал, что и в моей груди возрождаются любовь и радость, мрачность моя исчезла, и скоро я был так же весел, как в те времена, когда еще не знал роковой страсти.

«Дорогой мой Клерваль, — воскликнул я, — ты бесконечно добр ко мне! Ты собирался всю зиму заниматься, а вместо этого просидел у постели больного. Чем смогу я отблагодарить тебя? Я горько корю себя за все, что причинил тебе, но ты меня простишь».

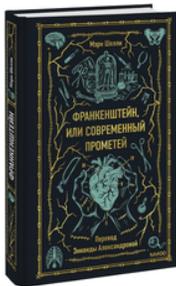
«Ты полностью отблагодаришь меня, если не будешь ни о чем тревожиться и постарайся поскорее поправиться; и раз ты так хорошо настроен, можно мне кое о чем поговорить с тобой?»

Я вздрогнул. Поговорить? Неужели он имел в виду то, о чем я не решался даже подумать?

«Успокойся, — сказал Клерваль, заметив, что я переменялся в лице, — я не собираюсь касаться того, что тебя волнует. Я только хотел сказать, что твой отец и кузина будут очень рады получить письмо, написанное твоей рукой. Они не знают, как тяжело ты болел, и встревожены твоим долгим молчанием».

«И это все, милый Анри? Как мог ты подумать, что первая моя мысль будет не о дорогах и близких людях, таких любимых и столь достойных любви?»

«Если так, друг мой, ты, наверное, обрадуешься письму, которое уже несколько дней тебя ожидает. Кажется, оно от твоей кузины».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

